

Сведения об авторах

Пчелов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, кафедра вспомогательных и специальных исторических дисциплин факультета архивного дела, заведующий кафедрой, г. Москва, Российская Федерация, 8-905-581-81-76, evg-pchelov@yandex.ru

About author

Pchelov Evgeniy Vladimirovich, PhD in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, department of special and auxiliary sciences of history, head of department, Moscow, Russian Federation, +7-905-581-81-76, evg-pchelov@yandex.ru

Сведения о грантах

Работа подготовлена в рамках НИР «Символика власти Московского царства и Российской империи» по гос. заданию № 33.7198.2017/8.9.

Grant information

The article is a part of the research project 'Symbols of authority in the Tsardom of Muscovy and the Russian Empire' performed in furtherance of state order no. 33.7198.2017/8.9.

В редакцию статья поступила 27.04.2017 г., опубликована:

Пчелов, Е. В. Государственная печать Алексея Михайловича 1667 г.: к 350-летию герба Московского царства // Вестник архивиста. – 2017. – № 4. – С. 147–158.

Submitted 27.04.2017, published:

PCHELOV, E. V. *Gosudarstvennaya pechat' Alekseye Mikhailovicha 1667 g.: k 350-letiyu gerba Moskovskogo tsarstva* [Great Seal of Tsar Alexey Mikhailovich (1667): 350th anniversary of the coat of arms of the Tsardom of Muscovy]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2017, no. 4, pp. 147–158.

Н. А. Жерлицына

Институт Африки РАН,
Российский университет дружбы народов,
г. Москва, Российская Федерация

К истории учреждения российских дипломатических представительств в Магрибе в конце XVIII – XIX в. По материалам Архива внешней политики Российской империи

Natalia A. Zherlitsyna

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russian Federation

Concerning History of the Establishment of Russian Diplomatic Missions in the Maghreb in Late 18th – 19th Century: Materials from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire

Аннотация

Статья посвящена истории учреждения в конце XVIII – XIX в. российских дипломатических представительств в странах Магриба: Алжире, Марокко и Тунисе. Изучение истоков российско-арабских связей представляет собой актуальную научную и важную в международном отношении задачу. Несмотря на наличие нескольких работ, выпущенных, как правило, еще в советское время, до сих пор этот вопрос остается недостаточно изученным. Источниковой основой для данной статьи стали ранее публиковавшиеся, так и впервые вводимые в научный оборот документы Архива внешней политики Российской империи, посвященные истории российско-магрибинских связей в XVIII – XIX вв. Анализ архивных источников позволил как рассмотреть проблему первых контактов Российской империи и государств Магриба в совокупности, так и понять причины интереса России к каждой из трех стран, определить важные внутренние и внешние факторы, подталкивавшие страны к установлению

связей. Автором установлено, что на первом этапе российско-магрибинских отношений приоритет имела экономическая составляющая: привлечение на службу в качестве внештатных российских консулов иностранных представителей в странах региона имело целью защитить интересы моряков-негоциантов, торговавших в Средиземноморье под российским флагом. На втором этапе приоритет получает не экономическая, а политическая составляющая российско-магрибинских отношений. Российская империя, как великая держава, непосредственно участвовавшая в разрешении Восточного вопроса, должна была учитывать алжирский, тунисский и марокканский факторы, выстраивая свою европейскую политику. Варварийские регентства – Алжир и Тунис – российское правительство рассматривало как формально принадлежащие Османской империи. Российский политический интерес к ним начал проявляться по мере того, как разворачивалась ожесточенная борьба европейских держав, прежде всего Франции и Великобритании, за укрепление там своего влияния, а также Турции за сохранение сюзеренитета над варварийскими провинциями. Марокко хотя и сохраняло независимость в течение XIX в., но также было объектом соперничества европейских держав. Учреждение российских дипломатических представительств в Алжире, Тунисе и Марокко имело целью прежде всего отслеживание всех перипетий борьбы европейских держав за обладание североафриканскими колониями и использование этого фактора для выстраивания собственной внешней политики.

Abstract

The article studies the establishment of Russian diplomatic missions in the Maghreb (Algeria, Morocco and Tunisia) in late 18th – 19th century. Studying the outset of the Russian-Arab relations is a significant task for both science and diplomacy. Although there are several works dating from the Soviet era, the issue remains little-studied. The article draws on the documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, some already published, others introduced into scientific use for the first time. Analysis of archival sources allows to consider the problem of first contacts of the Russian Empire and the Maghreb states in its entirety, to identify Russian interests in each of three countries, to define important internal and external factors that prompted the countries to establish relations. The author has revealed that at the first stage of the Russian-Maghreb relations its economic component had a priority: foreign representatives in the Maghreb were enlisted as non-staff Russian consuls in order to protect the interests of seamen–merchants trading in the Mediterranean under the Russian flag. At the second stage priority was given to the political component in the Russian-Maghreb relations. The great power directly involved in the settlement of the Eastern Question, the Russian Empire had to consider Algerian, Tunisian and Moroccan factors in setting its European

agenda. The Russian government saw the Barbary states of Algeria and Tunisia as formally belonging to the Ottoman Empire. Russian political interest in these countries strengthened as the European powers, primarily, France and Great Britain, were fighting to establish their influence, and Turkey strived to preserve its sovereignty. Although it remained independent throughout the 19th century, Morocco also was an object of the European powers' rivalry. Russian diplomatic missions in Algeria, Tunisia and Morocco were established with an eye toward keeping track of all twists and turns of the European powers fighting over the North African colonies and in order use this factor in setting its own agenda.

Ключевые слова

Исторические источники, российско-арабские отношения, Магриб, средиземноморская торговля, Восточный вопрос, российские дипломатические представительства, французские колонии в Северной Африке.

Keywords

Historical sources, Russian-Arab relations, Maghreb, Mediterranean trade, Eastern Question, Russian diplomatic missions, French colonies in the North Africa.

Конец XVIII – начало XIX в. было временем установления первых контактов между Российской империей и Алжиром, Тунисом, Марокко. Моряки и негоцианты были инициаторами этого сближения. Из материалов АВПРИ нам известно, что в 1799 г. Тунис посетили два корабля под российским флагом, в 1802 г. их было уже 19, в 1805 – 53, в 1820 – 36. Всего за период с 1799 по 1818 г. Тунис с целью торговли посетили 137 российских кораблей с грузами зерна, в том числе ячменя, муки, вина, растительного масла, дерева, угля¹. Если в Алжир и Тунис прибывали суда под российским флагом из наших южных черноморских портов, таких как Таганрог и Одесса, то лежащее на крайнем западе Средиземноморья Марокко привлекало российских купцов с северо-запада страны: «Основание российского консульства в Танжере должно принести большую пользу главным образом провинциям Балтии», – сообщал российский представитель в одном из консульств Средиземноморья в МИД империи².

После заключения Кючук-Кайнарджийского договора в 1774 г. Россия получила право назначать своих консулов в отдельные пункты Османской империи: «А дабы во всем наблюдаем был добрый порядок, равным образом Блистательная Порта

позволяет иметь пребывание Консулам и Вице-Консулам, которых Российская Империя во всех тех местах, где они признаны будут надобными, назначить заблагорасудит, которые будут почитаемы и уважаемы в равенстве с прочими дружеских держав Консулами»³. В осуществление этого права в Средиземноморье появилась сеть русских генеральных консульств, вице-консульств, которые возглавляли как штатные, так и внештатные сотрудники Коллегии иностранных дел – русские и иностранцы. Привлечение на русскую дипломатическую службу иностранных подданных, знающих наиболее распространенные в этом регионе языки: турецкий, французский, итальянский – и знакомых с местным обществом и учреждениями, было распространенным явлением.

Варварийские регентства, Тунис и Алжир, хотя и были фактически независимы от Порты, но формально считались османскими провинциями. Исходя из этого, русское посольство в Турции стало руководящим центром для всех миссий и консульств на Ближнем Востоке и в Магрибе. Именно к русскому послу в Константинополе стекалась вся дипломатическая переписка, относящаяся к российским интересам в странах Северной Африки, в том числе и из Марокко, сумевшем сохранить независимость от Османской империи.

В Алжире в начале XVIII в. интересы российских подданных защищал представитель Швеции, в Марокко с 1769 г. обязанности нештатного консула России стал выполнять англичанин Лиде Бут. Известно, что российские власти обращались за услугами к представителю Швеции в Тунисе, Екатерина II в мае 1787 г. одобрила награждение его подарком «за его услуги в делах наших»⁴. Обязанности консула состояли в содействии морякам и негодантам. Европейские консулы и послы, посредники и контрагенты в соответствии с режимом капитуляций защищали своих соотечественников-негодантов от произвола местных властей, от их злоупотреблений и взяточничества. Обобщенный смысл капитуляций на рубеже XVIII – XIX вв. заключался в предоставлении иностранным торговцам наибольшего благоприятствования на торговые операции в портах Османской империи. Консулу приходилось заниматься и улаживанием неизбежных конфликтных ситуаций и имущественных споров вокруг кораблей и грузов.

Нередки были и случаи кораблекрушений российских судов. Одной из основных причин обращения властей Российской империи к иностранным консулам в странах Магриба за содействием были чрезвычайные ситуации пиратских захватов торговых судов под российским флагом. Выход России в Средиземноморье, установление первых официальных контактов с властями магрибинских регентств пришлось на эпоху, когда варварийское пиратство, существовавшее не одно столетие, все еще представляло значительную опасность. В 1792–1798 гг. среднее количество выходов тунисских корсаров в море в год доходило до 57. Недаром все договоры России с Османской империей, начиная с Кючук-Кайнарджийского, обязательно содержали статьи, предусматривающие ответственность Порты за варварийское пиратство. Таким образом, в отношении корсаров Алжира и Туниса Россия решала проблему защиты своих судов на двусторонней основе с Османской Портой. Но для того, чтобы гарантировать российским торговым судам возмещение убытков от нападений и грабежей марокканских корсаров, требовалось заключить договор напрямую с султаном Марокко⁵.

Звание нештатного консула хотя и не приносило официально жалования, но было почетным и прибыльным, представители европейских держав в странах Магриба боролись за право представлять различные государства. Так, голландский консул в Тунисе Арно Генри Ниссен обратился с прошением ходатайствовать о назначении его российским консулом в Тунисе к российскому посланнику в Константинополе Стахиву в апреле 1780 г.⁶ Имя семьи консулов Ниссенов, впервые появившись в дипломатической переписке в 1780 г., останется там на весь дореволюционный период отечественной истории, шесть поколений этой голландской семьи будут представлять российские интересы в Тунисе. В условиях, когда собственно магрибинского направления в нашей внешней политике еще не существовало, российское правительство, рассматривая Тунисское регентство как часть Османской империи, долгое время не считало нужным иметь своего представителя в Тунисе. На протяжении всего XIX в. представители семьи Ниссенов неоднократно обращались к российским посланникам в Константинополе и напрямую в МИД России с прошениями об официальном назначении их консулами России

в Тунисе. Но ответ из Санкт-Петербурга, как правило, гласил: «Российское правительство находит в настоящее время бесполезным иметь Агента в Тунисе»⁷. Такой же была официальная позиция в отношении учреждения консульства в Марокко. Министр финансов России Е. Ф. Канкрин сообщал министру иностранных дел К. В. Нессельроде в декабре 1830 г.: «По малочисленности нашего купеческого судоходства полагаю учреждение помянутого консульства вовсе бесполезным»⁸.

Варварийские регентства: Алжир и Тунис – российское правительство рассматривало как формально принадлежащие Османской империи. Российский политический интерес начал проявляться по мере того, как разворачивалась ожесточенная борьба европейских держав, прежде всего Франции и Великобритании, за укрепление там своего влияния, а также Турции за сохранение сюзеренитета над варварийскими провинциями. Марокко хотя и сохраняло независимость в течение XIX в., но также было объектом соперничества европейских держав. Весь XIX в. российская внешняя политика была занята разрешением Восточного вопроса как дипломатическими, так и военными методами, и алжирский, тунисский и марокканский факторы играли в этом процессе заметную роль.

1830 г. – год завоевания Алжира Францией – стал поворотным для всего региона, и в том числе Туниса, хотя власти регентства не только не осознавали нависшей над ними угрозы, но даже радовались невзгодам своего старинного неприятеля – алжирского дея и оказывали помощь французской армии в борьбе с ним. С этого времени изменяется региональный статус-кво, тунисский вопрос становится частью Восточного, а страна из полунезависимого субъекта международной политики становится ее объектом. Быстрый захват Алжира французской армией – столица регентства была взята уже через две недели после начала боевых действий – не обернулся победой. Успехи французов закончились быстро: все попытки продвинуться в глубь территории вызывали упорное сопротивление свободолюбивого населения. Борьба за независимость длилась около полувека, за это время власть французов неоднократно оказывалась на грани падения. Лишь огромная по тем временам стотысячная армия, тактика военного террора и запугивания населения поддерживали французское

владычество. Связи Алжира и Российской империи отныне стали возможны только в рамках российско-французских отношений.

После захвата Алжира Францией в 1830 г. Российская империя в течение трех десятилетий воздерживалась от официального признания этого факта, предпочитая осторожно выжидать. В основе такой позиции российской дипломатии лежало стремление избежать нарушения баланса сил в Средиземноморье и опасение чрезмерного усиления позиций Франции в регионе. В Санкт-Петербурге внимательно отслеживали развитие ситуации в Алжире: донесения поступали из российского посольства в Париже. В одном из донесений временный поверенный в делах России во Франции А. И. Медем так характеризовал обстановку в новой французской колонии: «За девять лет, как длится завоевание, французы сумели утвердиться лишь на побережье, в таких пунктах, как Оран, Алжир, Бужи, Стора и Бон; внутри страны они занимают только Константину и Сетиф; но уже на небольшом расстоянии от городов страна находится во власти арабских племен»⁹.

Изменения во внешней политике Российской империи последовали после поражения в Крымской войне. Международная ситуация для России складывалась непросто, вслед за военными поражениями последовал спад дипломатического влияния, в том числе и в Восточном вопросе. Россия начала пересматривать итоги многолетней австро-германской ориентации, требовалось найти новых союзников, чтобы внести раскол в ряды противостоящих империи европейских держав. Началось сближение с Парижем. Первым последствием этого процесса стало признание Российской империей де-факто оккупации Алжира. В 1859 г. в Алжире было учреждено российское вице-консульство. Но неустойчивость и напряженность внутренней ситуации в колонии препятствовала развитию российско-алжирских отношений: французы всячески ограничивали контакты местного населения с внешним миром. Российское консульство в Алжире было закрыто в 1862 г. и возобновило работу лишь в 1884 г. Генеральный консул России в Марселе С. Попов так оценивал необходимость возобновления работы алжирского консульства в начале 1880-х гг.: «Торговые отношения наши с этим краем совершенно ничтожны. В Алжире у нас нет никаких других дел кроме наследственных, с некоторого

времени умножающихся вследствие умножения числа приезжающих туда русских страдающих грудными болезнями...»¹⁰ Но уже в 1890-х гг., когда стал оформляться российско-французский военно-политический союз и развивались военно-морские связи двух держав, заботой российского консульства стали частые визиты российских военных кораблей в порты Алжира.

Активизация российской политики имела последствием и пробудившийся интерес к установлению связей с Тунисским регентством. В 1866 г. российский посол в Константинополе Н. Игнатъев начал подбор кандидатуры на пост российского внештатного консула в этой стране. Первоначальный вариант – назначить консулом французского негоданта Вангавера – был отвергнут как французским Министерством иностранных дел, так и российской стороной по причине того, что гражданин Франции вряд ли смог бы заведовать нашими делами с надлежащей самостоятельностью. И тогда посол поддержал перед министром иностранных дел России П. С. Стремоуховым кандидатуру генерального консула Голландии Генриха Ниссена. При этом он отметил, что «наши дела в Тунисе велись оным семейством в течение многих лет безвозмездно и вполне удовлетворительно»¹¹.

Процесс установления официальных консульских отношений между Россией и Тунисом затянулся на целых три года из-за стремления бей Туниса Мухаммеда ас-Садока утвердиться перед лицом растущего давления на регентство со стороны внешних сил. Бей Туниса стремился к независимости, и все его усилия были направлены на укрепление самостоятельности своей страны. Бейское правительство отказывалось признать К. Ниссена консулом России в Тунисе до тех пор, пока бей не получит личное послание императора России Александра II по случаю назначения консула. То есть требовало признания своей независимости, что вступало в противоречие с международным правом. Для России было невозможно согласиться с этими требованиями, ведь российское посольство в Константинополе уже соблюдало в отношении тунисского консульства все положенные в данном случае формальности. Тунисское правительство также не желало идти на попятный – освободить Россию от соблюдения формальности, на которую уже согласились другие державы.

Действительно, Англия и Австрия, которые также сперва возражали в ответ на требования бей при назначении своих консулов, в конце концов, уступили. Австрийское правительство, например, снабдило своего консула в Тунисе официальным документом, как это обычно делалось при отправке дипломатических представителей в независимые государства. По поводу этой ситуации австрийский посол во Франции сказал: «В голове у тунисского бей дует ветер независимости»¹². Щекотливая ситуация затянулась, и в ее разрешении главную роль сыграли хорошие личные отношения консула Ниссена с премьер-министром Туниса. Они договорились, что тунисские власти довольствуются письмом, напрямую направленным бей Туниса министром иностранных дел Российской империи, в котором будет объявлено о назначении российского консула в Тунисе. 19 декабря 1869 г. князь А. М. Горчаков направил паше Мухаммеду ас-Садоку письмо, положившее начало официальным связям между двумя странами, и консульские отношения были установлены.

Российское нештатное консульство в Тунисе от своего основания и до 1888 г. иерархически подчинялось российскому посольству в Константинополе. Установление французского протектората в Тунисе в 1881 г. повлекло административные изменения: с 1888 г. тунисское консульство было переподчинено российскому посольству в Париже, а с 1908 г. стало входить в сферу ответственности российского консульства в Алжире.

К началу 1880-х гг. соперничество ведущих европейских держав: Франции, Англии, Испании и Германии – за Марокко, все еще сохранявшее независимость, приняло форму международного кризиса. Российский посланник в Испании сообщал министру иностранных дел А. М. Горчакову: «Мароккский вопрос уже несколько месяцев является главным вопросом международной политики...»¹³ Состоявшаяся в 1880 г. Мадридская конференция по марокканскому вопросу закрепила за иностранными державами режим «наибольшего благоприятствования» в султанате и тем самым нанесла огромный ущерб его политическому суверенитету. Начиная с этого времени российская дипломатия стала более внимательно относиться к событиям вокруг далекого султаната. С 1882 г. представлять интересы российских подданных в Марокко было поручено представителю Испании в этой стране.

По мнению руководителей российского МИД, усиление испанского влияния в Марокко должно было служить противовесом франко-английским проидам на территории Африки.

Но по мере роста напряженности вокруг Марокко стало понятно, что блюсти российские политические интересы в этой части мира может только наш соотечественник. Российский генеральный консул в Кадисе Э. Кнебель в письме 1885 г. настоятельно рекомендовал министерству пересмотреть отношение к открытию русской миссии в Марокко: «Значение Марокко резко выдвинулось в новейшее время на первый план в общем внимании европейских держав... деятельность эта подспудная и поэтому не поддается наблюдению издали. Невозможно ожидать и требовать от официального представителя иностранной державы, и притом заинтересованной, сообщения сведений подобного свойства, могущих пролить свет на общее направление и виды того или другого данного правительств»¹⁴. Возрастающее значение для народов Европы Африканского материка и важные политические вопросы, сопряженные с колонизацией этой части света, побудили высшее руководство Российской империи приступить к устройству представительства в Марокко. В 1897 г. между Россией и Марокко была достигнута договоренность об установлении прямых официальных дипломатических отношений. Генеральным консулом в ранге министра-резидента был назначен опытный дипломат В. Р. Бахерахт. В инструкции МИД говорилось: «Непосредственная цель нашей политики – предотвратить всякое нарушение существующего ныне равновесия сил в бассейне Средиземного моря. Следить за малейшими проявлениями политической деятельности западных государств, указывать на значение и внутренний смысл всякого шага держав на местной почве, выставляя всегда полную картину борьбы иностранных влияний, давать императорскому министерству возможность воспользоваться означенною борьбою в соответствии с общими и частными интересами в той или иной сфере наших действий»¹⁵.

Российско-марокканские отношения развивались поступательно: в 1910 г. генеральное консульство было преобразовано в миссию. Но с установлением французского протектората в Марокко в 1912 г. дипломатические отношения с султанатом стали осуществляться через посредничество Франции, а статус

миссии был снижен до консульства. Верительные грамоты российские консулы вручали отныне не султану, а французскому генеральному резиденту.

Таким образом, на первом этапе российско-магрибинских отношений приоритет имела экономическая составляющая: привлечение на службу в качестве внештатных российских консулов иностранных представителей в странах региона имело целью защитить интересы моряков-негоциантов, торговавших в Средиземноморье под российским флагом. На втором этапе приоритет получает не экономическая, а политическая составляющая российско-магрибинских отношений. Российская империя, как великая держава, непосредственно участвовавшая в разрешении Восточного вопроса, должна была учитывать алжирский, тунисский и марокканский факторы, выстраивая свою международную политику. Открытие дипломатических представительств в Алжире, Тунисе и Марокко происходило, таким образом, скорее в русле европейской политики России. Тем не менее именно в XIX в. были заложены основы дружественных российско-арабских отношений, получивших свое развитие в последующие исторические эпохи.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517(1). Д. 1532. Л. 31–36. *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Imperii* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire] (AVPRI), fond 180 'Embassy in Constantinople', series 517 (1), file 1532, pp. 31–36.

² Там же. Ф. Канцелярия. Оп. 469. Д. 81. Л. 129–130. Ibid., fond 'Chancellery', series 469, file 81, pp. 129–130.

³ Юзефович, Т. Договоры России с Востоком: политические и торговые. – СПб., 1869. – 532 с. YUZEFOVICH, T. *Dogovori Rossii s Vostokom: politicheskie i trgovie* [Treaties of Russia with the East: Political and commercial. In Russ.]. St. Petersburg, 1869, 532 p.

⁴ АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 8. Д. 293. Л. 1. AVPRI, fond 89 'Relations of Russia with Turkey', series 8, file 293, p. 1.

⁵ Дьяков, Н. Н. Магриб – Машрик – Россия. – СПб.: СПбГУ, 2014. – 560 с. DYAKOV, N. N. *Magrib – Mashrik – Rossiya* [Maghreb – Mashriq – Russia. In Russ.]. St. Petersburg, SPbGU publ., 2014, 560 p.

⁶ АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 8. Д. 557. Л. 36. AVPRI, fond 89 'Relations of Russia with Turkey', series 8, file 557, p. 36.

⁷ Там же. Ф. 149. Турецкий стол (старый). Оп. 502-а. Д. 156. Л.1. AVPRI, fond 149 'Turkish office (old)', series 502-a, file 156, p. 1.

⁸ Там же. Ф. СПб. Главный архив. Оп. 8. Д. 17. Л. 35. AVPRI, fond 'St. Petersburg, Main archive', series 8, file 17, p. 35.

⁹ Подцероб, А. Б., Шведов, А. А. Советско-алжирские отношения. – М.: Прогресс, 1986. – 260 с. PODTSEROB, A. B., SHVEDOV, A. A. *Sovetsko-alzhirskie otnosheniia* [Soviet-Algerian relations. In Russ.]. Moscow, Progress publ., 1986, 260 p.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 187. Российское посольство в Париже. Оп. 524. Д. 1655. Л. 4–5. AVPRI, fond 187 'Russian Embassy in Paris', series 524, file 1655, pp. 4–5.

¹¹ Там же. Ф.149. Турецкий стол (старый). Оп. 502-а. Д. 156. Л. 27–28. AVPRI, fond 149 'Turkish office (old)', series 502-a, file 156, pp. 27–28.

¹² Дулина, Н. А. Османская империя в международных отношениях. – М., 1980. – 314 с. DULINA, N. A. *Osmanskaia imperia v mezhdunarodnikh otnosheniakh* [The Ottoman Empire in the international relations. In Russ.]. Moscow, 1980, 314 p.

¹³ АВПРИ. Ф. Политический архив. Оп. 482. Д.2728. Л. 3–7. AVPRI, fond 'Political archive', series 482, file 2728, pp. 3–7.

¹⁴ Там же. Л. 134–136. Ibid., pp. 134–136.

¹⁵ Там же. Д. 2731. Л. 40–53. Ibid., AVPRI, fond 'Political archive', series 482, file 2731, pp. 40–53.

Список литературы

Дулина, Н. А. Османская империя в международных отношениях. – М., 1980. – 314 с.

Дьяков, Н. Н. Магриб – Машрик – Россия. – СПб.: СПбГУ, 2014. – 560 с.

Подцероб, А. Б., Шведов, А. А. Советско-алжирские отношения. – М.: Прогресс, 1986. – 260 с.

Юзефович, Т. Договоры России с Востоком: политические и торговые. – СПб., 1869. – 532 с.

References

DULINA, N. A. *Osmanskaia imperia v mezhdunarodnikh otnosheniakh* [The Ottoman Empire in the international relations. In Russ.]. Moscow, 1980, 314 p.

DYAKOV, N. N. *Magrib – Mashrik – Rossia* [Maghreb – Mashriq – Russia. In Russ.]. St. Petersburg, SPbGU publ., 2014, 560 p.

PODTSEROB, A. B., SHVEDOV, A. A. *Sovetsko-alzhirskie otnosheniia* [Soviet-Algerian relations. In Russ.]. Moscow, Progress publ., 1986, 260 p.

YUZEFOVICH, T. *Dogovori Rossii s Vostokom: politicheskie i torgovie* [Treaties of Russia with the East: Political and commercial. In Russ.]. St. Petersburg, 1869, 532 p.

Сведения об авторах

Жерлицына Наталья Александровна, кандидат исторических наук, Институт Африки РАН, старший научный сотрудник, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация, 8-915-372-75-60, ns_inafr@mail.ru

About author

Zherlitsyna Natalia Aleksandrovna, PhD in History, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (RAN), Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, +7-915-372-75-60, ns_inafr@mail.ru

В редакцию статья поступила 2.04.2017 г., опубликована:

Жерлицына, Н. А. К истории учреждения российских дипломатических представительств в Магрибе в конце XVIII – XIX в. По материалам Архива внешней политики Российской империи // Вестник архивиста. – 2017. – № 4. – С. 159–171.

Submitted 2.04.2017, published:

ZHERLITSYNA, N. A. *K istorii uchrezhdeniya rossiiskikh diplomaticheskikh predstavitel'stv v Magribe v kontse XVIII – XIX v. Po materialam Arkhiva vneshnei politiki Rossiiskoi imperii* [Concerning history of the establishment of Russian diplomatic missions in the Maghreb in late 18th – 19th century: Materials from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2017, no. № 4, pp. 159–171.